

Вспоминает Анна ГОДИНЕР¹

Я познакомилась с Норой Николаевной Рубашовой² в Светлый Четверг 1979 года. Один знакомый иеромонах пригласил меня куда-то в гости, сказав: *«Я познакомлю Вас с одной старой монахиней, и вы друг другу понравитесь»*. Так все и вышло. Мы продружили с Норой Николаевной восемь лет, до ее смерти, ни разу практически не поссорившись, даже размолвок у нас почему-то не возникало, хотя общались мы много, я бывала у нее часто, два-три раза в неделю. Говорили мы, в основном, о текущих делах, и достаточно редко — о прошлом. История была уделом отца Георгия Фридмана и Ивана Владимировича Лупандина, которым она рассказывала много и часто, специально для того, чтобы они запоминали, особенно Иван Владимирович, чтобы смогли когда-нибудь рассказать об Абрикосовской общине³.

Мне всегда было с ней легко, видимо, в чем-то мы человечески были похожи, у нее мне всегда было спокойно. Для меня ее дом и общение с ней, прежде всего, было общением с некой частью *"прежней жизни"*, досоветской, где все более или менее стояло на своих местах, где был уклад и нормальный взгляд на вещи. Как люди того поколения, пройдя все этапы сталинской эпохи, сохранили возможность оставаться нормальными в быту и, вообще, в жизни, и сохранить неповторимость и духовную силу личности, уму непостижимо...

Вот некоторые отрывочные воспоминания-ощущения об этих *"восьми го-дах счастья"*, как я назвала для себя это время, до смерти Норы Николаевны. Вряд ли удастся изложить это последовательно.

Прежде всего, Нора Николаевна была человеком глубокой внутренней тишины, хотя характер у нее был явно взрывчатый. Но как же она умела с ним справляться! Меня всегда поражало, как много она говорила о том, что *«надо беречь людей»*. Ради этого она редко собирала у себя много народа, придумывала *"конспиративные"* прозвища по телефону, старалась не называть себя, когда звонила, говорила просто: *«Это я»*, — да не одна она делала это в те времена. И это было в сочетании с величайшей готовностью, — однажды она прямо сказала мне, что ждет и готова, если ее снова придут арестовывать. Я была поражена, в ее-то возрасте кто же будет арестовывать, — но она лучше меня знала, с какой властью имеет дело. Хотя, наверное, это все-таки было невозможно, чтобы ее арестовали. Бог ведает...

¹ Светская сестра Женестьева.

² РУБАШОВА Нора (Екатерина Сиенская) Николаевна, родилась в 1909 в Москве. В 1920-х — студентка МГУ. В апреле 1926 — приняла католичество, позднее пострижена в монахини с именем Екатерина Сиенская, участвовала в тайных богослужениях на квартирах. 15 февраля 1931 — арестована по групповому делу. 18 августа 1931 — приговорена к 5 годам ИТЛ и отправлена в Сиблаг. В 1936 — освобождена и выслана в Мичуринск, работала в ботаническом саду. Летом 1939 — освобождена и выехала в Малоярославец, вошла в общину сестер-доминиканок. В мае 1944 — выехала в с. Ново-Шульбу Семипалатинской для помощи сестре общины, работала в школе. С 1947 — вернулась в Малоярославец, с лета 1948 — в Калуге. 30 ноября 1948 — арестована по групповому делу. 29 октября 1949 — приговорена к 15 годам ИТЛ и отправлена в Воркутлаг, с 1954 — в Карлаге. В мае 1956 — освобождена, вернулась в Москву, работала в Исторической библиотеке, позднее на пенсии. 12 мая 1987 — скончалась.

³ И это время настало!

Все лагерное время было как бы вторым планом ее жизни, однажды она сказала, что стоит ей вечером лечь и закрыть глаза, как она начинает видеть сны про свою тогдашнюю жизнь. Когда в андроповское время начались преследования некоторой части верующих, Нора Николаевна запретила говорить у себя в комнате обо всем, кроме бытовых и посторонних вещей. Разговоры о важном, не только об информативных, но и о духовных вещах надо было вести теперь либо в ванной с закрытыми дверями и пущенной водой, либо писать на рулоне туалетной бумаги. Для меня это было нормально, хотя я и думала, что вряд ли эту комнату прослушивали.

Кроме того, что она кормила тех, у кого были материальные трудности, она просто любила разделить с кем-то обед. В те дни, когда я собиралась к ней, она часто звонила и спрашивала, в какое время я приду, и будем ли мы вместе обедать. Когда в последние годы мне изредка приходилось под ее руководством готовить ей какую-то еду, то меня как-то поразили ее слова, когда я машинально вылила вчерашнюю воду из чайника, чтобы налить свежей: *«Как много чистой воды пропадает, я всегда об этом жалею»*.

Удивительна была ее жалость к соседу по квартире, коммунисту, искалеченному и озлобленному лагерями, налетавшему на нее и даже на гостей с кулаками, удивительно было уважение к нему, что было особенно видно на коммунальной кухне, где все его считалось уважительно неприкосновенным.

Когда Нора Николаевна рассказывала мне какие-то вещи из крутоватого аскетизма жизни сестер общины, например, как они Великим Постом в щи добавляли каплю керосина, чтобы не было вкусно, я это внутренне отторгала. Очевидно, она замечала это, смущенно улыбалась и замолкала, не возвращаясь больше к этому разговору. В ее комнате, наискось от стола, в углу, стоял маленький столик, и там, не помню в чем, хранились Святые Дары. В последние годы она часто говорила: *«Я много бываю одна, просто сижу и робко⁴ беседую с Богом»*.

Поражало меня также, что очень многое в жизни она называла благом, про любую услугу говорила — *«он сделал мне благо»*, или о еде — *«рыбные блага»⁵*, или просила, — *«купишь мне на рынке блага»*.

Удивительно, что через все "шмоны" и проверки она сумела пронести и сохранить свои четки, очень красивые, коричневые, продолговатые, как кофейные зерна. Кажется, она оставила их сестрам-доминиканкам в Польше.

⁴ Она всегда говорила именно это слово.

⁵ Ее самая любимая еда.